

Наталия ЧЕРНЫХ

ВУЛКАН В ЦАРСТВЕ ПРОТЕЯ

Волков Евгений. колОкол. Стихотворения. – М: Стеклограф, 2020. – 60 с.

*Полно мне тужиться, тяжбу с собой заводить.
Славно плывем мы, и много ли нужно ума
В царстве Протея...
Александр Миронов. Корабль дураков*

«КолОкол» – книга автора со зрелым опытом исполнителя, который конфликтует с не меньшим опытом писателя; две корзины приблизительно равного веса, перетягивает то одна, то другая. В результате возникли мгновенно узнаваемые (так и хочется сказать в стиле автора: узнаваемые в лицо) стихотворения. Как это возможно, чтобы исполнительский опыт конфликтовал с писательским, вопрос не риторический. Евгений Волков начал в восьмидесятых, он художник и музыкант (что выражается в прихотливой звукописи стихотворений), затем произошла перезагрузка, но стихи остались. В этом «но» все дело. «За творчеством Волкова явственно видна программа, пусть и не концептуализированная явственно, но создающая смыслово нагруженный зазор между письменным бытованием его стихов и их представлением», – нахожу подтверждение в рецензии на «колОкол» Данилы Давыдова (Литература, №160, март 2020).

«КолОкол» – монолог поэта-одиночки, которому уютно в своем одиночестве. Но при этом его одиночество пористое, кишашее сквозняками чужих настроений («женщины дырявее небес рыдают»), странными персонажами («бога тырь», «чел овечий чел»), пейзажами («гуляет скот по полю в сапогах») – teeming emptiness, процитирую Джеймса Дугласа Моррисона, поэзию которого уже изучают в американских школах. «Иногда в ненатужных, свободно исходящих в звук строчках Е. Волкова, стихах-монологах, насыщенных умело встроенными аллюзиями, перелицованными поговорками и расхожими фразами с порой расчлененными словами вдруг натыкаешься на позу, нарочитый жест, как на рослый манекен за стеклами модного бутика. А приглядевшись, замечаешь, как на месте этого “манекена” мысль поворачивается в два конца: одной стороной – лицом к театру, другой – к сокровенному божественному началу лирического героя», – цитирую поэта и критика Зульфью Алькаеву («Евгений Волков – погонщик рыб». Поэтоград, №8, 2017).

и выгрызаю волком пустоту
чтоб оказаться с большей пустотою

«Темноте»

Пустота, царящая внутри «колОкола», населена множеством отношений, вещей, сюжетов – множеством переполненных миров. Почти все стихотворения здесь критической плотности – так много в них смыслов и образов. Они отражаются один в другом, накладываются один на другой, и порой кажется, что сам автор сходит с ума, заговаривается от такого «наводящего ужас» движения, в котором нет паузы. Вещь изменяет свой облик на глазах (и автора, и читателя: «и кара мельно лоно между речий»; было Междуличие – стало лоно; история цивилизации наглядно), слово тоже (было одно, стало два; было два – стало одно), смысл мгновенно размножается. Вся тревожная картина звучит, у нее особенная и очень фактурная звукопись. Кстати, Междуличие, Месопотамия

– это одно из часто упоминаемых пространств в стихотворениях «колОкола». Обнаружена звуковая клинопись. Полагаю, термин в духе поэтики Евгения Волкова.

театр теней и часослов цикад
направит день в полуночное русло –

где рядом с нами падает сна ряд
накрыв меня ладонью заскорузлой

моя земля на трех китах стоит –

мои киты опять плывут куда-то

«театр теней...»

Новая поэтическая книга Евгения Волкова привлекла меня и тем, что в ней уместились все прежние находки этого поэта, известного особенным опытом работы с фактурой текста, и тем, что появилось нечто новое, более лиричное и одновременно мрачное, что придает книге стройность и завершенность. Образ, возникающей в ней – играющий горами рыцарь-титан, смотрящий на человеческую цивилизацию с высоты своего роста, но в нем есть нечто от героев плутовского романа. И этот персонаж порой издает сардонический, но все же исключительно волковский хохот.

Название «колОкол» можно прочесть и как послание из-за некоей границы («Колокол», журнал Герцена, словечко Белинского), и указание на основные темы некогда культового романа Э. Хемингуэя (война и человеческие отношения в условиях войны), но очень важна и речевая составляющая: вокруг да около. Три «о» в названии и зовут, и предупреждают. Если попытаться продолжить словесную игру автора, можно записать смысл названия как «ООО Апокалипсис». Вернее, пост-пост-апокалипсис. Уже в названии смещенным ударением автор рисует перед читателем тревожное, идущее по эллипсу движение, – упругий круг, который то сплющивается, то распрямляется. «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал» – эта строчка из Павла Когана может служить ключом к странному названию. Однако долгий тягучий возвращающийся звук покоя не дает, ни автору, ни читателю. Есть еще одно выражение: колом о кол, встреча равных сил, уничтожающих друг друга. Есть уже в названии нечто катастрофическое.

Настоящий поэт располагается в культуре как у себя дома, перефразирую высказывание театрального режиссера Бориса Понизовского о поэзии Елены Шварц. Евгений Волков тоже располагается в культуре как у себя дома. Он по-шекспировски легко управляет с цитатами из Шекспира. Они всегда уместны и поданы без лишнего трепета и раздражающей серьезности. Из классической поэзии серебряного века автор близко чувствует, вероятно, Александра Блока (судя по эпиграфу «скрипят задумчивые болты»), Бориса Пастернака («Февраль. Достать чернил и плакать!»). Что не исключает того, что именно от их творчества автор «колОкола» отталкивается, осваивая свою собственную матрицу, основанную на их модулях. В этом вижу проявление подлинной интеллектуальности. Автор не боится центонности, умеет с ней обращаться и придает ей характерность и фактурность.

Я бы сделала осторожные параллели с поэтами-эмигрантами Георгием Ивановым и Юрием Одарченко. В «колОколе», почти в каждом стихотворении, ходят inferнальные темные сквозняки, чуждые Блоку, видящему зори, пусть и холодные, и Пастернаку, поэту весьма религиозному, пусть и своеобразно. «Тот кто посуху ходит не бог / кто не бог тот меня не осудит» – намного ближе к Георгию Иванову, чем к Пастернаку.

«Камень имитирующий хлеб» – строчка, которая могла возникнуть у Георгия Иванова, а еще у ленинградского поэта Александра Миронова. В ней видна кропотливая, но оставляющая впечатление легкости наития, работа с культурой. Здесь и Новый Завет, Евангелие от Луки, притча о молитве, отце и сыновьях, и Лермонтов с его «Нищим».

В этой поэзии есть избыточность, даже опасная, гибельная маскарадность, влюбленность в игру едва ли не до смерти, до опустошения. Иногда кажется, что вечно-желанная возлюбленная, возникающая в большинстве стихотворений («любимая затертая до дыр») – это именно игра, женственная сущность азарта, который вместе с поэтом складывает новые слова из фрагментов старых. «Пресуществление обычного текста в поэтический происходит как будто прямо на глазах, в он-лайн режиме», – резюмирует Зульфия Алькаева («Евгений Волков – погонщик рыб»).

Игровое начало у Евгения Волкова мощное и страстное. Его энергия питает острую поэтическую интуицию, ведущую автора по тонкому канату над пропастью современных практик, где конкретизм, концептуализм, постконцептуализм и трансгуманизм сплелись как клубок змей. В «колОколе» возникают, как и в предыдущем «Погонщике рыб», образы постапокалиптической эротики, нежные и монструозные одновременно.

когда по всем справляет мессу память
и отправляет нужды херувим

я занят сном –

и может быть едой

«из бранных слов все избранные речи...»

«Смысл здесь в другом: взлом конвенциональной структуры слова воспринимается как нечто безусловное, как живой языковой факт, но не как вторжение инородного тела в общий поток поэтической речи (а именно такими инородными телами частенько выглядят каламбурные образы у немалого числа авторов)», – размышляет Данила Давыдов о звуковой клинописи Евгения Волкова. Добавлю, особо отметив снятие знаков препинания, что беззнаковая запись стихотворения у Волкова работает на восприятие читателя; поэт выходит к читателю без пунктуации – без лишних условностей, являя факт живой поэтической речи. Поэт Виктор Кривулин описал одно из сильнейших своих поэтических переживаний как слышание хора поэтов, где был различим каждый голос, который вел свою партию, но в целом голоса не мешали, а поддерживали друг друга. При чтении стихотворений Евгения Волкова это высказывание выскользнуло на мой внутренний экран.

Порой поэт хулиганит и сознательно прибегает к запрещенным приемам. Например, столкновение «эс» и «зэ» в этой строчке воспринималось бы как дурной тон в любом другом случае, но в этом – изображает лучистое светило зимой, когда искрится снег и под ногами вот-вот побежит лед: «и ждет небес звезда».

«КолОкол» составлен цельно, без разделов, он идет от более тревожных – к более лиричным стихотворениям, хронологически более поздним. Но книга не строго хронологическая. Несколько стихотворений в ней – собственно «Погонщик рыб», «из бранных слов» и еще несколько – взяты из предыдущей книги, чтобы не потерялась связь и яснее виден был бы почерк автора. Полагаю, у «колОкола» появится много читателей.

«Резкие переходы, неожиданные отсылки, яркие образы, игра со звуком – характерные черты поэтики Волкова... И на этом непростом и даже опасном пути Волков неисчерпаем,» – так высказался Даниил Чкония («Я это я – и больше ни полслова». Эмигрантская лира, №4 (24), 2018). Опасная, гибельная самость, на изнанке которой есть

только стремление быть самим собой, и «счастье с удовольствием и радостью не понимать самого себя» запускает сложный творческий процесс, который охватывает не только личный культурный багаж поэта, но и многие современные процессы, происходящие «на наших глазах» (цит. из Е. Летов) – в буквальном смысле, перемену точки зрения всей цивилизации, сколько бы не было попыток зафиксировать и удержать уходящее.

когда у правды нет литературы –
куда ни плюнь все попадаешь в бровь

«неладно что-то в королевстве датском...»

В этом ясном, самоценном двустии важнее страстная любовь, а не сарказм. Весь «колОкол» именно об этом – о любви. К языку, к красоте, к жизни.

«...и не буду народу любезен» – звучит почти как резиньяция проклятого поэта, творчество которых вдохновляет Евгения Волкова очень давно.

Закончу автоцитатой: «...любовь – жидкость без цвета и запаха, которая одна лишь может размочить ссохшиеся после вселенской гуманитарной катастрофы бинты условностей. Но в этой книге любовь не вступает в схватку со смертью. Здесь любовь и смерть отлично друг друга понимают. Поэт выходит на такие высоты, что ему ничего не остаётся, кроме как сверху послать на читателя напалм.» (Волга, 2017, № 3-4).